

№ 173

10. сент.

1991 г.

«КОММУНАР»

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

САБЛЯ ВАСИЛИЯ УСА

Жил в слободке под Крапивной огородник Олексашка, молодой мужик, статный да красивый, и было у него всего богатства-то: сын Андрейка да жена Любавушка, лицом на утреннюю зорьку похожая, которую звали в слободке соловьиной за ее чудный голос да умение песни петь. Бывало, вечером, после трудной работы, возьмет Олексашка гусельки самодельные, сядет на завалинку да станет струны перебирать. Подойдет Любавушка-красавица, умница, да начнет подпевать, сначала тихонько, а потом увлечется, и поплывет над слободкой, над рекой, над лугом чистый, редкий по красоте голос, и все затихает вокруг. Смотрел на нее Олексашка глазами, полными счастья. Сладко спалось под песни родителей трехлетнему Андрейке.

Все бы хорошо, да не давал им жизни барский староста, кривой Гришак. Домогался он Любавушки, в лютой зависти ненавидел Олексашку. Заставлял его делать самую трудную да грязную работу. А то еще хуже — ушлет Олексашку куда-нибудь в извоз, а сам спрячется, чтоб не видели люди добрые, в бурьян у Любавушкиного дома и, как хорек вонючий, подглядывает за ней. Вот идет она от родника — бадеечки на коромысле, грудь высокая, сарафан синий, бедра крутые — глаза радуются. Лицо чуть овальное, с нежным румянцем, брови взлет, как крылья ласточки, на голове корона волос аспидных. Глаза ясные темно-карие, а в них радость жизни, смешанная с лукавинкой.

Один раз собрал Гришак по кабакам пьянь разудалую да сделал налет на избу Олексашки, когда того дома не было. Уж потерявшую сознание Любавушку закатывали в дерюжку домотканую, как откуда ни возьмишь Олексашка. Отбил он с соседями свою Любавушку, а на другой день пришли десятские, заломили ему руки за спину, кинули его в дроги казенные и отвезли в Крапивну да бросили в колодках в холодную. Так и пропал бы в колодках Олексашка, да на его счастье заскочил в Крапивну отряд донских казаков, а это было в 1666 году, когда соратник Степана Разина Василий Ус стоял лагерем под Тулой. От страха дворяне да баре сбежали из Крапивны.

Спрятался и кривой Гришак, боясь возмездия. Сбили казаки колодки с Олексашки, поцеловал он сына, обнял свою ненаглядную, вскочил на гришакинского Гнедого и ускакал с казаками к Василию Усу, добывать вольную волю. Да так бился за волю отважно, что казаки диву давались, а Василий Ус подарил ему свою саблю лихую. После одного лихого набега привезли посеченного Олексашку домой в слободку. Запеклась алая кровь на ранах глубоких, и жизнь еще теплилась в его затуманенных глазах. Еле слышно прошептал: «Отдай Андрейке», и сабля, подарок Василия Уса, выпала из слабеющей руки. Упала ему на грудь Любавушка и залилась слезами горячими.

«Сокол ты мой ясный, свет Олексашенька, да почто же ты нас покидаешь? Кто же нас теперь, горемычных, оборонит от злыдней, кто же возьмет на руки крепкие сына нашего малого, неразумного? Не умирай, кормилец ты наш единственный. За что же, люди добрые, беда с нами приключилась неминуемая? Бог ты наш милостивый, чем прогневали тебя мы, грешные? Где же вы, мои родимые батюшка с матушкой, пожалейте меня, сиротинушку. Свет мой солнышко, Олексашенька, стынут рученьки твои, стынут ноженьки, не услышу я твоего теперь слова ласкового, не погладишь рукой своей горячей волосы мои пушистые. Ох, доконает меня злая долюшка...» Люди стояли рядом и тихо плакали. Когда оторвали Любавушку от холодеющего, бездыханного Олексашки, то сердца их дрогнули пуще прежнего — среди черноты волос ее пролегла седая прядь.

Доконала злая долюшка Любавушку. По зиме лютой пьяный Гришак темной ночью высадил дверь избенки. Надругая над Любавушкой да пытал все, где спрятана сабля Васьки Уса. На утро на реке у проруби только и нашли соседи сарафан васильковый Любавушкин. Не дали пропасть люди добрые дитю малому Андриянушке. Чуть подрос, определили его в подпаски. Гришак всю свою злобу перенес на сиротку беззащитного. Да не долго тешился. На Троицын день настигла Гришака божья кара, убило его грозой. Вырос Андрейка краше некуда, и наградила его матушка-природа, что и мать его Любавушку, чудным голосом. Народ прозвал и его соловьем. Было у него большое потомство, с тех пор до сегодняшнего дня живут в слободе и Крапивне Соловьевы.

А сабля Василия Уса, спрятанная Любавушкой, нашлась только через 300 лет. Когда строили новую дорогу Щекино — Крапивна, двигал бульдозер землю с того места, где когда-то стоял домик Олексашки, приоткрылась ямка небольшая, а в ямке, в полусгнившей овчинке, поржавевшая сабля, подарок Василия Уса. Держу я в руках старую саблю и думаю: где и какой мастер ковал тебя, ковал-то не для забавы. Теперь твое место в музее под стеклом, как память о делах давно минувших дней.

А. ШИЛИН,
краевед.

Щекинский район.